

МАРГИНАЛИИ К СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ (ОБЗОР КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «КАНОН+»)

Аннотация. Автор выбрал из потока книг, выпущенных издательством «Канон+» те издания, которые характеризуют особый интерес к философии, к ее специфике и предназначению. Философия имеет многовековую историю. За эти века она неоднократно менялась, и получала разные, часто несовместимые друг с другом определения. Разобраться в огромном количестве исторических определений философии не просто. Книги, отмеченные в обзоре, действительно создают панораму современной философской мысли. Учебник А.Ф. Зотова раскрывает содержание многочисленных западных философских направлений, дает им актуальную и развернутую оценку. Монография Т.А. Кузьминой содержит множество полемических утверждений и представляет собой образец современной академической мысли. «Краткое введение в философию» позволяет охарактеризовать огромный каркас философского знания. Книга К. Хорни дана в новом, более строгом переводе.

При оценке изданий автор обзора использовал исторический метод, метод сравнения. Новизна представленных книг и их аналитическое осмысление позволяет судить о состоянии современной литературы, предназначенной для студентов и аспирантов.

Ключевые слова: философия, история, дух, культура, экзистенциализм, экзистенциальная вера, онтология, ценности, религия, психоанализ.

ПАНОРАМА СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Зотов А.Ф. Современная западная философия: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011. 569 с. (тираж 1500 экз.).

Рецензируемая работа — фундаментальный труд известного ученого и педагога, Заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, созданный им на основе лекционного курса, который автор много лет читал на философском факультете университета. В нем, как отмечено в аннотации, предпринята единственная в современной русскоязычной литературе историко-философская реконструкция современной западной философии. Она заканчивается последними годами минувшего столетия. Первое издание работы (2001) удостоено первой премии МГУ за лучший учебник. Текст третьего издания обновлен более чем наполовину. Введен новый раздел, посвященный философии науки.

Предисловие начинается с размышлений о том, что мы люди предпосылочные. Иначе говоря, живем в настоящем, но зримо и незримо связаны

с прошлым. Действительно, люди минувших эпох живы для нас благодаря особого рода общественной практики — мемориальной. Если сгорел муравейник, память об этом сообществе исчезает бесследно. Однако в человеческом обществе жизнь прошедших поколений не утрачивается. Прошлое продолжает присутствовать в актуальном сознании. В гуманитарных науках укоренился принцип историзма, позволяющий осмысливать прошлое в рамках исторического знания, в потоке времен, в их круженье и осмысливать исторический процесс.

С чего начинать толкование современной философии? Автор полагает, что с послегегелевского периода. Совокупность его сочинений предстает как последняя классическая философская концепция. Эта система идей претендовала на то, чтобы быть метафизикой, знанием сущности, более глубоким, чем «опытное» знание. Известно, что философия не соотносится напрямую с тремя признаками науки — общезначимости своих положений, их экспериментальной проверке и парадигмальной оформленности полученных результатов. Философы не проводят эмпирических исследований, не добиваются абсолютного согласия даже по базо-

вым метафизическим вопросам. Философию можно назвать авантюрой мысли. Она предвосхищает определенное, окончательное знание.

Гегелевская философия, по словам автора, скрывала более серьезные вещи: кризис прежней иерархии ценностей — традиционных представлений об отношении духа и природы, мира земного и мира небесного, о месте человека в системе мироздания, о соотношении веры и знания, абсолютно и относительно в составе знания, об отношении «опытных» и «чистых» наук. Критика же взглядов Гегеля была попуткой разрушить парадигму прежнего философского мышления. Таково предведение автора, который замыслил основательно подвести нас к тому состоянию философской мысли, которую мы называем «современной».

Итак, новейшая история философии начинается у А.Ф. Зотова не с Шопенгауэра, а с Гегеля, но представленного в критическом ракурсе его драмы идей. Шопенгауэр же правомерно представлен как разведчик новых путей и провозвестник последующих преобразований в философском сознании. Этот переоценка философских представлений названа в учебнике «коренным переворотом».

Тематика философских проблем в учебнике обширна. Понятное дело, что о каждом мыслителе сказано меньше, чем хотелось бы. Исчерпывающая характеристика позитивизма не позволяет дать расширенное представление, скажем, о Конте. А ведь он явился провозвестником индустриального общества, сверху донизу построенного на рациональных началах. Его считают ранним идеологом технократизма и техногенной цивилизации. В таком обществе ведущей идеологией должен стать тезис весьма опасного утопизма: разум не совершает ошибок в построении социального мира. Однако в этом мире, апологетом которого выступает О. Конт, нет места индивиду, человеку — есть только Человечество. Человек Конту не интересен. Теория, оправдывающая действия Человечества, неизбежно проявляет крен в сторону тоталитаризма и авторитарности, давления на личность. В таких исторических условиях наука превращается в свою противоположность, становясь апологией политического или любого другого диктата. Но современный человек сделал свой принципиальный выбор. Его приоритет — частная жизнь каждого человека с её насущными проблемами. Для социальной науки именно личность оказывается в центре внимания.

Прагматизм А.Ф. Зотов рассматривает как американский синтез европейских философских

идей. Изложение материала протекает в русле основных тем — предназначения философии, теории познания. Понятно, что автор не претендует на перечисление всех областей знания, которым принадлежат плодотворные открытия названных мыслителей. Скажем, работе У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» дана весьма краткая характеристика.

Удачно оценено и неокантианство. Оно анализируется как редукция философии к методологии. Неокантианцев вообще, по словам А.Ф. Зотова, интересует не устройство мира, независимого от познающего человека, а устройство знания и познающих процессов. В концепциях неокантианства проблема развития науки фактически подменена проблемой ее функционирования. Вызывает восхищение обилие нового материала, связанного с неокантианством, которым блестяще владеет А.Ф. Зотов. На мой взгляд, этому разделу недостает заключения. Изложение обрывается суждением Р. Арона о Башляре. Кстати, жанр учебника требует краткого комментария к любой фамилии, приведенной в тексте. Раймон Арон упоминается в учебнике всего один раз, без всяких пояснений и даже без инициала.

Философия жизни представлена в учебнике двумя великими мыслителями — Ф. Ницше и А. Бергсоном. Нет хотя бы кратких отсылок к творчеству В. Дильтея или О. Шпенглера. Жаль, что в этом кратком, но интересном очерке не раскрывается само понятие «жизни». Она понимается как некая космическая сила, обладающая неисчерпаемым творческим созидательным импульсом. А. Бергсон выражает это в понятии «жизненный порыв». Но опять-таки речь идет не о человеческих устремлениях, не об особом типе переживаний, а о некоем всепроникающем и неодолимом первоначале. Наконец, В. Дильтей, Г. Зиммель, О. Шпенглер, пытаюсь конкретизировать исходное понятие, обращаются к анализу неповторимых, уникальных образов культуры. Вот где творимые жизнью новые формы возникают во всем своем своеобразии, отвергая изжившие себя, омертвевшие продукты механической цивилизации (О. Шпенглер).

В учебнике дана развернутая характеристика неопозитивизма. Его часто называют «третьим позитивизмом». Сначала его представители называли свою концепцию логическим атомизмом, затем логическим позитивизмом, потом — логическим эмпиризмом. Наконец, он получил имя аналитической философии. Справедливо сужде-

ние автора о том, что позитивистская традиция не умирает. Она входит в состав нового философского мышления как неявная, часто сама собой разумеющаяся предпосылка.

Анализируя психоанализ, А.Ф. Зотов особое внимание уделяет общекультурной, мировоззренческой и философской направленности этого обозначения. Рассуждения об этом течении мысли, о его основоположнике Фрейте весьма нетривиальны. Он представлен здесь в ракурсе философских дискуссий века, от которых сам основоположник психоанализа был предельно далек, поскольку, по словам Юнга, никогда не обладал философской выучкой. Не убежден, что мои замечания в этой части учебника правомочны, но мне все кажется, что в преамбуле к разделу следовало бы психоанализ характеризовать шире, чем это случилось в учебнике. Разве можно было в характеристике современной философии не сказать ни слова о неофрейдизме или о психоанализе Ж. Лакана? Мне понятен замысел учебника, для студентов лучше ограничиться основными именами, чем прибегать к общей переключке. И все же — психоанализ — это не только Фрейд и Юнг.

Весьма содержательно характеризует А.Ф. Зотов феноменологию Э. Гуссерля. Она, по его словам, представляет собой сразу и поистине интернациональную философскую школу, и развитую исследовательскую программу, и сложившуюся в логично устроенную систему совокупность принципов. Главной проблемой философии Нового времени была, по Гуссерлю, борьба со всеограшающим скепсисом. И это, по словам автора учебника, была борьбой за философию, за разум, за самого человека, за истину его бытия. К слову, раздел, посвященный Гуссерлю, написан с поразительным проникновением в существо его философии. Даже характер изложения здесь по сути дела немного иной.

Такая же глубина и основательность присущи анализу феноменологической онтологии М. Хайдеггера, который провел А.Ф. Зотов. Автор показывает, что Хайдеггер трактует бытие не так, как это имело место в традиционных метафизических системах — такими, по его мнению, были учения Платона, Аристотеля, св. Фомы, Гегеля и Маркса. Все они скользили по поверхности человеческого бытия. В анализе этой фундаментальной категории философия действительно прошла определенный цикл: бытие как материальная (вещественная) сущность, бытие — субстанция жизни,

бытие — система экзистенциалов человеческого духа. Западные философы, начиная с Парменида и Платона, всегда занимались этой, как назвал ее А. Вебер, экманентной, отделенной от непосредственно данной «действительности» трансцендентностью бытия. По мнению, немецкого социолога, в экзистенциализме произошло значительное суживание этой проблемы по сравнению с учением Платона.

Вместе с тем Хайдеггер в более позднее время творчества открыл новые для его теории измерения бытия. «Понятие немецкого оригинала «das Sein» (правильно и бесппроблемно переводимое и у Бибикина словом «бытие»), — пишет Н.В. Мотрошилова, — блестяще, оригинально осмысливалось у Хайдеггера в его сложной, многомерной структуре и фундаментальной значимости для философии. Что тоже вряд ли могло вызывать трудности и недоуменные вопросы, поскольку в целом отвечало вековым философским традициям».

А.Ф. Зотов оценивает феноменологию онтологии Сартра как онтологию человеческого существования. Человеческое бытие есть фактическое бытие, или бытие в ситуациях. Конкретный человек, присутствует в мире, он в мир заброшен, он обнаруживает, что не он основание того, что он встречает в мире. Собственное бытие открывается человеку как несовершенное, случайное. Поэтому сознание человека можно назвать несчастным.

Оценивая путь западной философии к постмодерну, А.Ф. Зотов дает развернутую характеристику структурализма. Перестав претендовать на роль метафизики, философия начала сближение с наукой. Она обрела новый для нее статус. Любопытно обнаружили желание стать учеными-специалистами — в области теории познания, логики научных исследований, истории и методологии науки, организации научной деятельности. Все эти процессы и тенденции основательно отслежены в данном разделе.

Французский философ Мишель Фуко в середине минувшего столетия заявил о смерти человека. Один из пороков современной философии Фуко усмотрел в том, что она навеивает «антропологический сон». Он показал, что наше восприятие мира во многом галлюцинаторное, сходное с покрывалом майи. В наше восприятие входит только то, что мы способны воспринять. Поэтому мир скорее предстает как копия наших душевных состояний. Внутренний мир человека закрыт для новых впечатлений. Современная культура стре-

мится приспособить наше сознание к тому, что по определению является лишь результатом наших согласованных реакций. Фуко писал о том, что приоритет сновидения является абсолютным для антропологического познания конкретного человека. Вместе с тем он полагал, что следует преодолеть приоритет сновидения и прорваться к изучению реального человека.

Однако А.Ф. Зотов показывает, что человеку как творцу и субъекту культуры не осталось места в данной системе суждений. Человек был допущен в нее не как ее субъект, а скорее как узелок в сплетении ее связей. Эта важная онтологическая новация получила, по словам автора, дальнейшее развитие в «онтологии смысла» Жюль Делёза.

Этим французским исследователем и завершается учебник. О Поле Рикёре в нашей литературе написано немало. Однако читать раздел, посвященный этому автору, весьма интересно. Вот, к примеру, цитата: «П. Рикёр рассматривает три примера, которые больше чем примеры, по сути дела, три главных стратегии освобождения западной философии от субъективизма с индивидуалистическим акцентом, который во второй половине XIX столетия противопоставила философская мысль идеалистическому «объективизму» и метафизик классической философии. Более того, сам он пытается осуществить синтез этих трех стратегий: герменевтической концепции понимания, структуралистской концепции языка и психоаналитической концепции личности» (с.541).

Учебник А.Ф. Зотова действительно обладает многими достоинствами. Автор — энциклопедически образован. Оценки, которые содержатся в книге, всегда оригинальны и доказательны. Изложение завершается на подступах к более подробному рассмотрению современных тенденций в философии. Это обещано в заключительных словах книги.

«ДВОЯКАЯ» СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Кузьмина Т.А. Экзистенциальная философия. М., 2014. 354 с. (тираж 1000 экз.).

Нет необходимости представлять Тамару Андреевну Кузьмину. Она известна читателям как первоклассный специалист, внесший значительный вклад в изучение западной философии. В ее новой монографии исследуется природа экзистенциального опыта и экзистенциальной философии. Проведение этой демаркации оправданно. Экзистенциализм как отдельное направление философ-

ской мысли «отыграл» свою историческую роль и заместился иными, более современными течениями. Однако экспертиза экзистенциального опыта ни в коей мере не утратила своей непреложной ценности. Впрочем, нет сомнений в том, что практика экзистенциального отношения к реальности, в известной мере, шире, чем само направление. Это и отмечает Т.А. Кузьмина. Экзистенциальный опыт, лежащий в основании философии, роднит мыслителей, традиционно относимых к разным школам (в частности, И. Канта и Н. Бердяева).

Читатель, привлеченный названием монографии, не найдет в ней историко-философский анализ концепций, которые принадлежат видным представителям экзистенциализма. Но он не будет разочарован, поскольку укрепит в том, что возможно и не утрачивает своей актуальности возможность такого философствования, которое исходит из экзистенциально-бытийной перспективы. Не отыщет читатель в монографии и традиционной «критической дистанции» по отношению к названным в книге мыслителям. Навсегда запомнились мне слова Тамары Андреевны о том, что надо любить тех философов, о которых мы пишем. Это сразу исключает возможность маргинальных замечаний, навязывание «другой» мысли, разбор различных мировоззренческих «непоняток».

Лучшее признание достижений философов — заинтересованное погружение в текст, рождающий достойную причастность к вечному потоку философской рефлексии.

Т.А. Кузьмина отдает должное принадлежащее Канту «двойное» рассмотрение человека, обнаружение «двусоставности» его природы и вытекающее отсюда двухрегистровое существование человека. Эвристичность этой теоретической установки обнаруживает свою ясность при рассмотрении онтологической укорененности морали и в конечном счете сохранении самой морали как неотъемлемой характеристики человеческого бытия. Автор монографии стремится раскрыть суть человеческого опыта, не связанного с научными рекомендациями, практики, которая утверждает достоверность моральной высоты индивида, а не его готовность подчинить собственную жизнь общезначимым рекомендациям.

Правомерен ли такой подход к философии, который во многом предумышленно игнорирует школы и направления? Нет сомнения в его успешности, тем более что он и не претендует на собственную универсальность. Н.А. Бердяев называет

себя приверженцем экзистенциальной философии. Речь идет не об отдельной, исторически сформировавшейся школе философов. Критерием здесь является установка на обнаружение и воспроизведение особого жизненного опыта, отражающего уникальные, трепетные и зачастую нешаблонные переживания человека.

Философия тем и отличается от науки, что не согласуется с общезначимыми выводами. Она не требует отточенного согласия в псевдопарадигмальных измерениях окончательного знания. Уже стало очевидным, что такой подход неизбежно приводит к схематизации философского знания, а главное к безразличию к неповторимости человеческой жизни, к индивидуально-личностным характеристикам человека. Монография соотнесена с философским постижением этики и культуры. В этом ее сознательное ограничение и итоговая направленность. Т.А. Кузьмина показывает, что известное кантовское положение о морали сводится к тому, что в нравственности мы сами являемся законодателями, в моральном (свободном) поступке мы «сами от себя» начинаем цепь причин и следствий.

Человеку либо внят «небесный голос», либо он воспринимает себя как заложника имманентного мира, машины, обусловленной внешними причинами. Является ли потомок Адама животным или в нем отчетливо проступает сугубо человеческое, — вот залог двумирности человека. Кантовская трактовка личности сочетает в себе совершенно несоединимыми, по первому впечатлению, слагаемые — свободу и вечность, которая выступает и как неизменность и непрерываемость законов «формального». Природная склонность человека в том, что он никогда не утратит интереса к трансценденции, к трансцендентному чувству и зову.

Истина открывается и может открыться человеку только в личном опыте. Это положение позволяет критически относиться к общезначимым директивам, к внерефлексивному опыту, к различным идеологиям, которые сегодня в России приобретают характер принудительных практик. Т.А. Кузьмина далека от отвлеченной апологии неконформизма, ведущего подчас к психической патологии. Она показывает, что неповторимый личностный опыт не безразличен для других людей. Он-то и обладает неиссякаемой креативностью и открытостью поступка.

Вслед за Ж.-П. Сартром Т.А. Кузьмина анализирует мораль в ситуации радикальной свободы. Человек «осужден» быть свободным. Это свобода

полная, поистине безграничная, тотальная, ибо ничто не может воздействовать на свободу, кроме самой свободы. Именно поэтому философы минувшего столетия как обостренно реагировали на различные обнаружения отчуждения в любых их вариантах, особенно популярных в ситуации, которая сложилась в начале нового века. Здесь и отчуждение человеческой природы, и идеологические стереотипы мышления и заклятие человека на безграничный гедонизм.

Наследие Н.А. Бердяева в монографии репрезентирует мораль в эсхатологической перспективе. Эсхатология для философа выступает символом трансценденции человеческой личности к экзистенции. Раскрывается эсхатологический горизонт пограничных ситуаций человека: когда он оказывается перед лицом собственной смерти, в исторических потрясениях, в мистическом озарении, творческом акте. Т.А. Кузьмина показывает, что концепция Н.А. Бердяева в отличие от сартровской предполагает свободу не только как свою «форму» (в кантовском смысле), и условие, но и ее «качественную» характеристику («какой дух»). «Качественность» свободы означает в этом случае подчинение, но свободное, высшему — божественному — закону (с.155–156).

Концепция С. Кьёркегора представлена в монографии моралью как страсть существования. Страсти человеческие... Уникальные и бессмертные. Они возобновляются в каждом поколении и вместе с тем сохраняют свою органичность на фоне другой эпохи. Любовь, страх, вера, властолюбие, фанатизм... Не они ли правят миром? Не через них ли проступает человеческое бытие? Проницательные мудрецы, писатели разных времен стремились взглянуть в человека, захваченного сильнейшим порывом, войти в мир тончайших душевных переживаний, распознать в них тайны мира. Рационалистическая философия расценивала страсти как своеобразную помеху в кристально ясном процессе познания. Под страстью Кьёркегор понимает постоянную заинтересованность в собственном существовании. Этическое трактуется им как «субъективное», иначе говоря, как индивидуальное и конкретное, но в таком своем качестве оно в то же время абсолютно.

Должна ли этика искать собственные базовые основоположения? Эта проблема в последние годы стала предметом острых дискуссий. Т.А. Кузьмина доказательно стоит на позиции абсолютности морали. Она еще раз подчеркивает, что Кант рассма-

тривал мораль как проявление человеческой природы как таковой, как онтологическое свойство человека. Заключительный раздел монографии откликается на три вопроса: Каков источник ценностей так современной так называемой секулярной культуры (откуда они «пошли быть?»). Какова их историческая судьба (изменилось ли их содержание и в какую сторону?) И, наконец, каковы причины разъединения «земли» и «неба»?

Выступая несколько лет назад в Институте философии известный, ныне покойный, философ М.С. Каган призывал к возрождению духовности. Прежде всего, он отсекает те источники, которые, по его мнению, не ведут к царству Духа. На первом месте оказалась религия, на втором — культура. Но если не они провозвестники духовности, то где же ее искать? В отечественной литературе характер догмы обрело также разграничение культуры и религии путем признания идеи автономности культуры. «Именно в отталкивании от религии, — пишет Т.А. Кузьмина, — противопоставлении ей и в ее критике («всегда разоблачающей» и «преодолевающей») светская культура и начинает мнить себя не только автономной (т.е. сама в себе имеющей свое основание и оправдание), но и претендовать на статус некоего абсолюта, задающего смысл человеческой жизни в целом» (с.226).

Этот процесс «разбегания галактик», поиска суверенности каждой теоретической сферы, будь то культура, наука или политика, — действительно стал заметным. Эта «мятежная вера», по определению Р. Гвардини, и определяет духовную акустику времени.

В ней-то и утрачивается держащая человеческую жизнь иерархия ценностей. Эти рассуждения подводят автора монографии к мысли, что человеческий выбор имеет не психологическую характеристику (как, скажем, своеволие), а духовно-онтологическую.

Природа культа, его связь с феноменом культуры рассматриваются также в концепции Н.А. Бердяева. По его мнению, культура в свой органический период была связана с жизнью религиозной. Так было в великих древних культурах, в культуре греческой, в культуре средневековой, в культуре раннего Возрождения. Благородное происхождение культуры русский философ связывает с иерархическим характером культа. Культура имеет религиозные основы. Об этом, по мнению Бердяева, свидетельствует не только *теология*, но и современное научное знание.

Другой фактор, свидетельствующий о близости культуры и религии, как считает Н.А. Бердяев, — это символический характер самой культуры. Свой символизм культура получила от культовой символики. Духовное содержание культуры выражено не реалистически, а символически. Все достижения культуры по природе своей символичны. В ней даны не последние достижения бытия, а лишь символические его знаки. Такова же и природа культа, которая есть прообраз осуществленных божественных тайн.

Т.А. Кузьмина не подводит итоги собственных размышлений в жанре обычного заключения. Назначение этих строк — иное: дать еще одно «последнее оправдание тем оценкам, которые задавались некоторым тенденциям в современной философии (в первую очередь, отрицание трансцендентального и трансцендентного измерения человеческого бытия и, как следствие, отрицание нормативности морали, а в итоге и подрыв оснований морали в целом), показав их логическое завершение и наиболее наглядное воплощение в постмодернизме.

Отметим, что Т.А. Кузьмина — яркий представитель отечественного философского мышления, которое отличается академичностью, глубиной и страстного погружения в проблемы, которые не утрачивают своей остроты и злободневности.

ГРАНИ ЛЮБОМУДРИЯ

Краткое введение в философию: Учеб. пособие / М. Кукарцева, И. Дмитриева, Е. Бумагина и др. М., 2014. 416 с. (тираж 1000 экз.).

Скажу сразу: учебное пособие не имеет аналогов в отечественной литературе. Оно своеобразно и по изложению, и по способам подачи материала, и по языку. В аннотации отмечено, что книга — одновременно и учебное пособие, и краткий путеводитель, где читатель сам выбирает стратегию прочтения: либо двигаться вслед за авторами, либо выбирать свой путь прочтения и освоения философского знания, что-то при этом пропуская в пособии, а что-то углубленно изучая.

Пособие рассчитано на то, чтобы, с одной стороны, целостно и систематично представить философское знание, а с другой — сделать это в максимально сжатой, лапидарной форме, так, чтобы у читателя сложилась «картинка» философии, был получен предварительный ответ на вопрос: «а что же это такое?». Поэтому такие темы, как строение

философского знания, организация философского метода, аксиологическое знание, строение ценностей, а также античная философия как основа классической образованности составляют ядро учебного материала книги. Другие темы, такие, как онтология, теория познания, концепции сознания освещены кратко, авторы остановились только на ключевых вопросах и проблемах, оставив детальные схемы и разъяснения для аудиторных занятий или самостоятельных штудий.

Многое из того, что окружает человека, он впускает в собственную душу безотчетно, без критической оценки, принимая окружающий мир таким, как он есть, не задумываясь о его природе. Обычно человек старается жить просто и не испытывает потребности в последовательном размышлении. Груз постоянного раздумья зачастую кажется непереносимым. Но человеку присуще и иное состояние души. Он открывает в себе способность продвигаться к одухотворяющей истине, открывать тайны реальности наслаждаться самим процессом развертывания мысли.

Философия как особая дисциплина изучает общие законы природы, всего универсума и общества, стремясь показать место человека в этом мире. Она имеет дело с глубинными, сокровенными переживаниями человека, с его попыткой обрести истину, осознать смысл жизни. Философия имеет дело с предельными, вековыми вопросами. Наука, конечно, тоже пытается выстроить относительно целостную картину мира. Но она погружена в конкретности, решает множество частных задач. В этом смысле философия гораздо свободнее. Она задумывается, размышляет над универсальными проблемами.

В учебном пособии много интересных мыслей, находок, четких обоснований. Однако на изложении лежит печать известной схематичности, что очевидно и вытекает из желания рассказать о многом, но кратко.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕЙ ФРЕЙДА

Хорни Карен. Новые пути в психоанализе (1939) / Перевод с англ. В.В. Старовойтова; под ред. А.М. Боковикова. М., 2014. 400 с. (тираж 1000 экз.).

Вторая книга яркой представительницы психоанализа и одного из лидеров неопрейдизма Карен Хорни «Новые пути в психоанализе» посвящена реформации психоанализа и фрейдизма путем отказа от ряда положений и дополнения учения

Фрейда культурологическими, социологическими и интерперсональными компонентами. В ней Хорни выступила с резкой критикой фрейдовской теории либидо, концепций тревоги и нарциссизма, а также отвергла тезис Фрейда о том, что возникновение неврозов зависит от инстинктивных и генетических факторов. Данная критика фрейдовской теории, по мнению Хорни, позволит психоанализу путем устранения спорных элементов развиваться до вершин его возможностей.

В данной книге впервые представлены две статьи американского психоаналитика Дж.Л. Рубинса, посвященные последующим преобразованиям в разработанном Хорни психоанализе и исследованию ее жизни и творчества, а также полная библиография ее трудов.

Автор введения Джек Л. Рубинс справедливо подчеркивает, что в работах Хорни, в скрытом или явном виде, представлены различные теории психологической мотивации, организации и поведения личности, как здоровой, так и невротической, философское осмысление человеческой природы, критика современного общества и общие принципы терапевтической тематики.

Неопрейдисты упрекали З. Фрейда в том, что в своей теоретической деятельности, а также в практической работе, он не обращался к проблемам культуры. К. Хорни считала, что игнорирование Фрейдом культурных факторов приводило к ложным обобщениям. Более того, как она полагала, именно из-за этого психоанализ зашел в тупик. В известной мере эти замечания справедливы. Правда, исследовательская эволюция З. Фрейда вела его к более внимательному изучению культурного контекста. Фрейд раскрывал генезис культуры, исходя из природных инстинктов человека. По его мнению, врожденное бессознательное влечение вызвало грех, который оказался поворотным пунктом в происхождении человека, перво двигателем человеческой истории. Культура, считал З. Фрейд, демонстрирует две стороны. Во-первых, она охватывает все приобретенные людьми знания и умения, дающие людям возможность овладеть силами природы и получить от них материальные блага для удовлетворения своих потребностей. Во-вторых, в нее входят все те установления, которые необходимы для упорядочения взаимоотношений в обществе, особенно для распределения достижимых материальных благ.

Первоначально примыкавшие к фрейдовской школе К. Хорни, Г.С. Сэлливан, Э. Фромм и А. Карди-

нер, под влиянием американских социологических и бихевиористских теорий стали придавать огромное значение роли социальной среды. Они рассматривали воздействие общества на человека как решающее для формирования его психики. Немалое воздействие на неотрейдизм оказала американская школа культурантропологии. Исследователи обнаружили, что человеческая природа как некая относительно целостная данность вовсе не порождает единый культурный космос. В некоторых регионах Земли существуют разнородные феномены, отражающие ценностно-духовную практику человека. Культурные миры неповторимы, они демонстрируют разные виды ментальности, что подталкивает к выводу о чрезвычайном многообразии культурного опыта человечества.

Формы, которые принимают биологические и общественные процессы, бесчисленны, и эти формы — культурные. Возьмем пример, где биологическое и общественное тесно сплетены. Во многих культурах физически слабые всегда оказываются в невыгодном положении. Но есть группы, в которых действуют специальные сдерживающие механизмы, не позволяющие сильным использовать слабых. Запугивание получает общественное порицание и поэтому встречается крайне редко. В некоторых обществах существует тенденция назначать физически слабых на привилегированные должности.

Культурная антропология исходила из следующего положения: поместите людей, воспитанных в разных обществах и следующих разным традициям, на один необитаемый остров. То, что каждый из них увидит, будет далеко не одинаковым. Неодинаковы будут и способы их поведения в новых условиях. Между людьми и их окружением расположен неосознаваемый и невидимый, но вполне реальный экран. Этот экран — «культура».

Такое обилие культурных феноменов подталкивает К. Хорни и других неофрейдистов к выводу: нет и не может быть неврозов, которые присущи человеку по определению, то, что в одной культуре вызывает невротические реакции, в другой культуре может являться нормой. Возьмем некоторые иллюстрации. Человек архаической культуры был убежден в том, что для рождения ребенка, нужно непременно убить чужака. Иначе откуда же возьмется душа, которая перейдет в чрево его жены? И вот он ходит в поисках жертвы, томясь отцовским инстинктом. Но жертва не торопится попасть под его стрелу. Это рождает напряженное, невротиче-

ское состояние. Но ведь современному человеку, готовому иметь потомка, совсем не обязательно убивать другого человека.

Возьмем и другие иллюстрации. Человек античного мира привык тратить заработанные деньги на собственные нужды. Сколько заработал — столько полагается и благ. Сама идея накопления, то есть оставления денег на «черный день», показалась бы ему странной. Тот же, кто откладывал сбережения, чувствовал себя не вполне уютно. Он невольно оказывался бы в невротической ситуации. Заимодавцы постоянно испытывали на себе диктат общих культурных традиций, порицающих «жизнь вперед».

Девушка, которая не стремится найти свое место в обществе, обрести социальный статус, была бы нормальной в культуре пуэбло. Однако в современном мире юная особая оказалась бы в невротической ситуации именно потому, что она не состоялась, не нашла себя. Можно ли считать нормальным человека, который утверждает, будто чувствует приближение животного и могут показать на своем теле знаки, благодаря которым об этом узнают? Однако в культуре бушменов это считается обычной нормой. Европейец, попавший в такую социальную среду, видимо, мог бы испытывать невротические состояния.

Для японца совершить в определенных обстоятельствах акт харакири — ни что иное, как дело чести. Тот, кто не смог бы соответствовать долгу, стал бы презираем. Однако в православной культуре такой поступок рассматривался бы как погубление души. Брачные контракты стали традицией в западном мире, но в российской культуре они приживаются с трудом. Сама мысль о разделении имущества в момент венчания, когда брак заключается перед Богом, рассматривается как кощунственная.

Согласно законам средневекового Китая, взрослый сын мог поступиться запретом своих родителей только через пять лет после их кончины. Хорошо это или плохо? У каждого народа — свои культурные особенности, свои правила жизни. Человеку европейской культуры может показаться странным, что надо называть родителей на «вы», согласовывать свою любовь с отцом и матерью, чтить их волю даже после их смерти. Однако эти традиции помогли китайцам сохранить высокое достоинство семьи. Наверное, сын или дочь могли видеть у родителей какие-то недостатки. Но они ни на минуту не забывали, что именно эти люди, отец и мать, даровали им жизнь. В китайской куль-

туре не мог появиться такой герой, как Павлик Морозов, потому что по китайским средневековым законам сын, который донес на отца, наказывался сурово, вплоть до смертной казни.

В европейской культуре сердечная близость, возможность говорить с родителями как с равными (то есть на «ты») ценилась выше, чем в древнекитайской. Дети, рожденные в царских или королевских семьях, не могли жениться или выходить замуж без согласия родителей. Считались с волей отца или матери в тех случаях, когда родители располагали капиталом. Но в целом в европейской культуре не было такого культа семьи, как в Древнем Китае. Дети далеко не всегда считались с волей родителей.

В результате европейская культура знает такое явление, как конфликт поколений. Родители не считают, что дети должны обращаться к ним только на «вы», близкое «ты» между родственниками гораздо лучше. Дети могут выбирать иной образ жизни, жениться по собственному выбору. Мы знаем тургеневское «Отцы и дети», лермонтовское «Печально я гляжу на наше поколение...» Родители часто страдают, что дети живут своей жизнью, даже не посвящая в нее родителей, не оказывают отцу и матери должного уважения. Далеко не все дети проникаются мыслью, что именно родители подарили им возможность жить на этой земле. Например, можно услышать такое: «А я вообще не просил меня рожать. Они даже не спросили мое мнение». В древнекитайской культуре такое совершенно невозможно. Юноша и девушка подчинялись воле родителей. Они знали, что сами станут стариками и им будет оказано глубокое уважение, что они будут вознаграждены за свое поведение.

Мысль К. Хорни о том, что характер невроза зависит в первую очередь от социальных факторов, от культурных ценностей, оказалась весьма продуктивной. В результате внутри фрейдизма произошли существенные изменения. Так, оказались отвергнутыми теория сублимации и учение о либидо. Неофрейдисты по существу «социологизировали» психологию. Первые попытки объяснить сходства и различия культур предполагали психическое единство человека. Они изучали реакции человеческого организма на разнообразные стимулы и условия жизни. Человеческая психология оценивалась как пластичная и способная к бесконечной изменчивости.

Когда мы имеем дело с другой культурой, нас волнует вопрос, как избежать ошибок, которые

связаны со своеобразием менталитета другой страны, другого народа. Почему европейцу трудно, например, войти в восточный бизнес? Деловая жизнь в Восточной Азии имеет «семейный характер». Предприниматели стараются вести дела не в одиночку, а опираясь на самых близких людей. Поэтому у них есть и личные отношения внутри фирмы и личные обязательства. Понятное дело, что иностранцу оказаться внутри этой восточной деловой этики трудно.

Восточная культура опирается на такие понятия, которые нелегко совмещаются в сознании европейца: иерархия и гармония. Для западного человека иерархия, разумеется, позволяет создать некое подобие порядка, но она вряд ли может обеспечить согласие. Ведь европейцу приходится выполнять волю руководителя. Стало быть, до гармонии далеко. Можно говорить лишь о скоординированных действиях.

Столь же иным окажется и для европейца, и, скажем, для японца понятие равенства. В европейском сознании люди рождаются равными и поэтому имеют право ощущать себя равными внутри общества. Для китайца или японца равенство не всеобщий принцип, а возможность оказаться с кем-то на одной ступеньке организации. Равенство обнаруживается только в том смысле, что маршала или два сержанта могут быть равными, поскольку находятся на одном уровне иерархических уступов.

В отличие от европейцев китайцы и японцы постоянно отождествляют себя с какой-то группой. Это может быть семья, фирмы, профессиональный союз. Поэтому они имеют стойкий навык действовать сообща, но при этом неизменно помнить о своем положении. Европейец, наоборот, привычен к самостоятельности, он пытается оторваться от группы, возвыситься над ней, перейти к другой группе. Для восточного человека ценностью обладает не самостоятельность или отделенность, а, напротив, причастность к чему-то. Это то самое чувство, которое испытывает человек, поющий в ходе или шагающий в строю¹.

Когда вы разговариваете с восточным человеком, вас может разочаровать его интерес к вам не как к личности, а как к выразителю социальной номенклатуры. Японец при первой беседе непременно постарается выяснить, каков ваш социальный статус, какую должность вы занимаете, какой име-

¹ См.: Овчинников В. С. Выход на Восток // Популярная психология. 2004. № 5. С. 21.

ете стаж, награды и характеристики. Он обязательно проверит, знают ли о вас более высокопоставленные особы. Судьба делового контакта зависит от всех этих сведений.

Неофрейдисты, как и культурные антропологи, считали, что «врожденные дарования» лишь проявляются лишь в результате действия культурных процессов. В больнице в Нью-Мексико родились дети зуни, навахо и белый американец. Их можно определять как чрезмерно активного, среднего и неактивного. Дети каждой «расовой группы» попадали в каждую из этих категорий, хотя большая часть белых детей рассматривалась как чрезмерно активная. Однако через два года ребенок зуни уже не выглядел более активным по сравнению с белым малышом, но по сравнению с другими детьми своего племени он казался самым активным. Ребенок навахо занимал положение между белым ребенком и ребенком зуни. Но он остался чрезмерно активным для норм родного племени.

Стремление К. Хорни уточнить понятие невроза заслуживает признания. Ее широкая известность была связана с тем, что она в числе первых перешла от изучения классических форм невроза к распознаванию новейших видов патологии в современном обществе. Сейчас, спустя почти шестьдесят лет (работа «Невротическая личность нашего времени» вышла в 1937 г.), мы можем сопоставить невротические реакции наших дней с теми, которые попали в поле зрения К. Хорни.

Американская исследовательница пишет о стремлении к власти. Здесь она явно находится под влиянием А. Адлера. Последний считал, что в основе человеческой деятельности лежит стремление к личному превосходству. Эта идея-цель, хотя он лишь смутно осознается индивидом, становится центром формирования личности, обуславливая ее психику. Личность по своему формированию, полагал Адлер, всегда социальна. К. Хорни настаивает на том, что власть, престиж и обладание — это аспекты одной проблемы. Нормальный человек, по ее мнению, стремится выстроить разносторонние отношения с другими людьми. Невротик, напротив, старается доминировать, завоевывать престиж и добиваться благосостояния. Конечно, К. Хорни уточняет свою мысль: невротическое стремление к власти рождается из тревожности, ненависти и чувства собственной неполноценности.

Чтобы в полной мере оценить эти выводы, следует подойти к основным положениям психо-

аналитической теории К. Хорни. Он полагает, что решающее значение для развития человека имеют отношения между родителем и ребенком. По мнению К. Хорни, основу мотивации человека составляют две потребности: потребность в удовлетворении и потребность в безопасности. Огромную роль в формировании психики американская исследовательница придает феномену страха.

Таким образом, К. Хорни пытается отвергнуть теорию сексуальности З. Фрейда. Она полагает, что связь между ранними переживаниями и позднейшими особенностями оказалась более сложной, чем предполагал З. Фрейд. Поэтому важно заново искать те факторы окружающей среды, которые ответственны за возникновение невротических конфликтов.

В разных работах К. Хорни отмечала, что неврозы возникают не благодаря Эдипову комплексу, а в результате нарушений в человеческих взаимоотношениях. Поэты и философы всех времен знали, что жертвой психических расстройств никогда не становится безмятежный, уравновешенный человек, но это всегда человек, раздираемый внутренними конфликтами. Любой невроз есть невроз определенного характера. И он рождается из чувства изолированности, беспомощности, страха и враждебности.

Однако устранив фрейдовскую концепцию психосексуального развития личности, К. Хорни не сумела глубоко проанализировать феномен власти. Действительно, какова внутренняя (интроспективная) «психологическая картина, мотивационная основа бесчеловечного поведения самих властителей (правителей, иерархов, «авторитетов»), которые, не теряя душевного комфорта, обрекают людей на невзгоды и страдания? «Власть развращает человека, абсолютная власть развращает абсолютно». Неужели любой человек, обретший власть, способен на подобное «развращение»? Или только «избранные»?².

По мнению К. Хорни, далеко не во всех культурах в качестве ценности выступают власть, престиж или богатство. Власть — это способность и реальная возможность правителей или народа оказывать радикальное и всеобъемлющее влияние на деятельность, поведение, сознание и помыслы людей, распоряжаться их судьбами. В самых примитивных обществах, где основным источником

² Диденко Б.А. Хищная власть. Зоопсихология сильных мира сего. М., 1997. С. 3.

существования была охота или собирательство, власть осуществляло лицо, которое по всеобщему признанию было компетентным для выполнения этой задачи. То, какими качествами должен был обладать этот человек, в большей степени зависело от конкретных обстоятельств. Как правило, эти качества включали жизненный опыт, мудрость, великодушие, мастерство, «внешность», храбрость. Во многих племенах не существовало постоянной власти. Она устанавливалась только тогда, когда возникала необходимость в ней. Разные представители власти осуществляли ее в различных сферах: ведения войны, отправления религии, решения споров. Когда исчезали или ослабевали качества, на которые опиралась данная власть, переставала существовать и власть.

Однако в современных условиях именно тяга к власти характеризует цивилизационный уклад. Американский футуролог Э. Тоффлер, отмечая, что знание станет паролем нового века, в то же время добавляет: именно знание будет обеспечивать

возможность властвовать. Власть меньше всего инициируется здоровыми потребностями. Нормальное стремление к власти, считает К. Хорни, рождается из силы. Однако невротическая тяга к доминированию в наши дни также вытекает из мощи, из стремления навязывать свою волю и свой диктат. Невротическое стремление к власти, престижу и обладанию служат не только защитой от тревожности, неполноценности. Они позволяют сублимировать огромную энергию агрессии и враждебности.

Власть постоянно озабочена поисками «врага» и успешно находит его. Текстологический анализ речей Гитлера показал, что, обвиняя во всех бедах немецкого народа евреев и коммунистов, вождь нацистов только один раз назвал впрямую. В остальных речах он говорил: «они, вы знаете, о ком я говорю...» И разъяренная толпа орала: «знаем...» В нашей сегодняшней действительности успешно лепится образ олигарха как главного виновника всех наших современных бед.

Список литературы:

1. Зотов А.Ф. Современная западная философия: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011. 569 с.
2. Краткое введение в философию: Учеб. пособие / М. Кукарцева, И. Дмитриева, Е. Бумагина и др. М., 2014. 416 с.
3. Кузьмина Т.А. Экзистенциальная философия. М., 2014. 354 с.
4. Хорни Карен. Новые пути в психоанализе (1939) / Перевод с англ. В.В. Старовойтова; под ред. А.М. Боковикова. М., 2014. 400 с.

References (transliteration):

1. Zotov A.F. Sovremennaya zapadnaya filosofiya: uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2011. 569 s.
2. Kratkoe vvedenie v filosofiyu: Ucheb. posobie / M. Kukartseva, I. Dmitrieva, E. Bumagina i dr. M., 2014. 416 s.
3. Kuz'mina T.A. Ekzistentsial'naya filosofiya. M., 2014. 354 s.
4. Khorni Karen. Novye puti v psikhoanalize (1939) / Perevod s angl. V.V. Starovoitova; pod red. A.M. Bokovikova. M., 2014. 400 s.